
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008:14

Н. Н. Летина

Аксиологические акценты личного опыта («русский Гамлет» Павел I)

Выполнено в рамках работы по гранту

РГНФ № 15–03–00655 «Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры»

Статья продолжает исследование проблемы гамлетизма как особого культурно-антропологического и социокультурного феномена. Социокультурный опыт великого князя Павла Петровича, затем императора Павла I, раскрывается как одна из наиболее показательных для русской культуры персоналистских экспликаций гамлетизма. Верифицируются и обосновываются аксиологические акценты первого опыта реализации метафоры «русский Гамлет» в социокультурной деятельности, жизни и судьбе Павла I. Зафиксирована потребность рубежного русского Гамлета в точках опоры, гармонизирующих его внутренний мир, выразившаяся в создании личной системы ценностей, образцов и ориентиров, космогонически проецируемых на внешний мир, но не успевших укорениться в социокультурной практике эпохи в связи с драмой царевничины.

Ключевые слова: русская культура, рубежная личность, русский Гамлет, гамлетизм, аксиологические акценты, личный опыт, Великий князь Павел Петрович, император Павел I.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

N. N. Liotina

Axiological Accents of Personal Experience («the Russian Hamlet» Paul I)

The article continues a hamletism problem research as a special cultural-anthropological and sociocultural phenomenon. Sociocultural experience of Grand Prince Pavel Petrovich, later Emperor Paul I is revealed as one of the most indicative personalistic explication of hamletism for the Russian culture. Axiological accents of the first experience of implementation of the metaphor «Russian Hamlet» are verified and proved in Paul I's sociocultural activities, life and destiny. The need of frontier Russian Hamlet in points is fixed, which harmonize his inner world, and expressed in the creation of the personal value system, samples and reference points, cosmogonically projected on the outside world, but which did not manage to take roots in sociocultural practice of the era because of the regicide drama.

Keywords: Russian culture, frontier personality, Russian Hamlet, hamletism, axiological accents, personal experience, Grand Prince Pavel Petrovich, Emperor Paul I.

Первым русским Гамлетом – и в силу данного обстоятельства моделирующим парадигму гамлетизма в отечественной культуре – в интерпретации современников стал Великий князь Павел Петрович. «Гамлетизм» цесаревича, затем императора Павла I, безусловно, не является исчерпывающей характеристикой его рубежной личности, однако в традиции восприятия личности и опыта Павла Петровича играет одну из ведущих ролей.

Прозвище «российский Гамлет» цесаревич Павел получает во время продолжительного ев-

ропейского путешествия с женой Марией Федоровной под именем графа и графини Северных (1781–1782 гг.). Павел Петрович не только оказался готов принять имидж «российского Гамлета», но и воспринял его как значимую интенцию личного самосознания. Отрефлексированность судьбы Павла как зеркала трагедии Датского принца в Европе и в России несомненна и обоснована его имманентным личностным опытом.

В опыте Павла I мы выявляем несколько модусов «гамлетизма»: биографический (сюжет-

ный), психологический, ментальный, аксиологический, деятельностный, поведенческий, политический.

Биографический модус гамлетизма Павла Петровича наиболее отчетливо верифицируем и заключен в возможности соотнесения событийного ряда его жизни с историей Датского принца [5]. Не менее значим *психологический ракурс гамлетизма* Павла Петровича, который реализуется как имманентное состояние пограничной личности (сходство) и навязанный мотив безумия (отличие). Для русского Гамлета была характерна и ментальная рубежность, проявившаяся в эклектизме рациональных и иррациональных ментальных парадигм: мифологической, рыцарской, просветительской, сентименталистской, романтической, религиозной. Поведенческие стратегии Павла Петровича также отличались гамлетовской противоречивостью как внутренних мотиваций, так и внешних проявлений. Он сочетал редкое терпение с маниакальной торопливостью, категоричность – с подверженностью влияниям, личный аскетизм со щедростью, любезность – с высокомерием, страх – с безрассудством, загадочность – с прозрачной искренностью.

Для пограничной личности необходимы точки опоры. Шекспировский Гамлет их не нашел или же не заметил. Русский Гамлет, не обнаруживая опорных для него моментов в имеющейся реальности, попытался их создать. При обращении к специфическому «творческому» опыту Павла Петровича мы встречаемся с широким спектром проявления гамлетизма в его аксиологическом, ментальном, деятельностном, поведенческом аспектах. Безусловно, они не существуют по отдельности, но, являясь выражением целостного, хотя и противоречивого опыта, позволяют выявлять определенные доминанты. Остановимся подробнее на аксиологической составляющей проблемы.

Аксиологический план в создании «точек опоры» – один из определяющих. Создание личной системы ценностей, сложной, динамичной, подверженной влияниям извне и, в результате, воспринятой современниками как парадоксальная и неопределенная, являлось для Павла Петровича значимым процессом. Не менее важным оказалось для него активное ее продвижение, на основании которого должно было осуществиться и реформирование ценностных приоритетов членов семьи, приближенных особ, всех подданных.

Отправным моментом в этом процессе была самоидентификация. Павел Петрович, как из-

вестно, был подвержен влиянию, и прежде всего – влиянию образцов. В психологических штудиях неоднократно отмечалось, что личности внутренне неустойчивые, каким был и Павел Петрович, нуждаются в гармонизации, упорядочивании [3]. Эталоном личностной гармонизации монарха в Европе был Аполлон. Именно в такой парадигме задумывал свою самоидентификацию Павел Петрович, чья коронация сопровождалась Торжеством муз с символическим участием Аполлона [7]. Среди других образцов, достойных подражания, – монархи-реформаторы Генрих IV, Петр I Великий (преемственность по отношению к последнему в разных формах – например, репрезентативной деятельности [6] Павел Петрович демонстрировал и доказывал всю свою жизнь).

Собственно, «аполлоническая», упорядочивающая система ценностей и стала для Павла Петровича аксиологическим образцом. Безусловно, не в чистом виде, а в синтезированном с опытом образцовых, в сознании Павла Петровича, систем – прусской государственной и военной, религиозной (православие) и религиозно-политической орденовой (масонской, мальтийской), европейской (французской, итальянской) художественной.

Среди аксиологических доминант Павла I – порядок, закон, регламентация, иерархия, справедливость, истина.

Приверженность Павла Петровича идее *порядка* носила фанатичный характер и в абсолютном, трансцендентном, и в практическом планах. Идеальный мир для него – упорядоченный мир, идеальное государство – упорядоченное государство. Порядок в личной аксиологии Павла Петровича соответствует категории идеала. Парадоксально, но «романтический император» в качестве идеала выбирает одну из ключевых просветительских ценностей с античными корнями. Тем более парадоксально, что он находит в реальности редкие соответствия идеалу (принципиально невозможные в романтической ментальной парадигме), которые успокаивают и приводят императора в доброе расположение духа. В письме графу Румянцеву, например, он признавал «себя обязанным оказать вам то совершенное удовольствие, с каковым приметил я желаемый порядок и благоустройство во всех частях оной, вами введенные» [10]. Любое отступление от упорядоченности вызывало у Павла Петровича неудовольствие, агрессию и гнев. В частности, в рескрипте генерал-лейтенанту Архарову от 26-го

января 1797 г. выражено явное недовольство: «Господин генерал-лейтенант Архаров. Полку вашего капитан Хлопов отставлен 28 ноября, и указ об оном из военной коллегии к вам послан, о получении коего от 22 декабря вы рапортовали; но оный Хлопов показывается отпущенным впредь до отставки. Почему я заключаю, что вы рапортов ваших сами не читаете» [8].

Материализованное в слове и государственной практике воплощение порядка, в сознании Павла Петровича, – *закон*. Закон был для Великого князя, затем императора важнейшим принципом управления, воплощающем в государстве идеал упорядоченного общества. Павел I полагал, что «закон – ... это источник власти... Законы – основа всему, ибо, без нашей свободной воли, они показывают, чего должно избегать, а следовательно, и то, что мы еще должны делать. Основа этих законов, в их применении к стране или государству, служить руководством правительственной власти и ее называют принципом правительства» [11]. В письме П. И. Панину цесаревич Павел Петрович утверждает необходимость прочных оснований для государства, обеспечивающих гармонию общества и внутреннего мира отдельного человека: «Спокойствие внутреннее зависит от спокойствия каждого человека, составляющего общество; чтобы каждый был спокоен, то должно, чтобы его собственные, так и других, подобных ему, страсти были обузданы; чем их обуздать иным, как не законами? Они общая узда, и так должно о сем фундаменте спокойствия общего подумать» [Цит. по: 14]. Законодательная деятельность Павла I известна, примечательно, что именно ему принадлежит принятие закона о престолонаследии, которого до этого в государстве в четком виде не было. Получается, для Павла Петровича именно закон был синонимом благоразумия и основанием власти. В свою очередь, основанием закона была личность «боговдохновенного» монарха. С.-А. Понятовский передает фразу Павла Петровича, раскрывающую его осознание личности монарха: «Разве не Бог возводит на престолы всех государей? Поэтому его рука и направляет их» [13].

Другое проявление стремления к порядку императора Павла I – *централизация власти* в руках монарха и ее *бюрократизация*. Воплощая идею абсолютной власти монарха и желая направлять деятельность всех государственных структур, Павел Петрович оказался вынужден вникать во множество мелочей местного самоуправления. Безусловно, такая нагрузка не под

силу одному человеку, но российский бюрократический аппарат был основательно (и сознательно) разрушен после окончания «соправления» герцога Бирона, и мнительному императору не на кого было опереться. Приходилось заново создавать «государев люд», реформируя сословный принцип стратификации общества. Именно императору Павлу I принадлежит заслуга оформления Российского монархического государства и государственности.

Стремясь быть идеальным монархом, Павел I после воцарения намеревался стать образцом для подданных и требовал *регламентации* их жизни по своему «образу и подобию». Это касалось и, казалось бы, такой малости, как распорядок дня. Павел Петрович вставал очень рано, пил кофе и начинал работать с 6 часов утра, к 9 часам он выходил на вахт-парад и развод караула, затем были прогулка, обычно в сопровождении Кутайсова, и визиты, в 13 часов – обед, затем еще одна «целевая» прогулка, в 18 часов визит к жене, в 19 часов – посещение придворного спектакля, в 21 час – ужин, в 22 часа – сон. Регламентации подвергался не только распорядок дня, но и функционирование бюрократизированной при Павле государственной машины в целом, придворные коммуникации и поведенческие стратегии, элементы культуры повседневности (одежда, обувь, этикет, развлечения, транспорт и др.). И вновь образцом тотальной регламентации выступал сам император. Если учесть строжайший характер регламентаций, понятно, почему дворяне, избалованные при Екатерине II, были крайне недовольны нововведениями и тайком продолжали вести прежний образ жизни.

Неудивительно, что другим актуальным в аспекте узаконивания и регламентации направлением интереса Павла Петровича были военные штудии. Если судить по мемуарной литературе, Павел Петрович предавался им фанатично, строго наказывая даже за малейшее техническое нарушение воинского ритуала. Его военные забавы для современников были еще одним аргументом в пользу безумия государя, однако историки давно подметили вполне логичную и разумную мотивацию. «Занятия военным делом являются для Павла в это время лишь временным средством, – оправдывал Е. С. Шумигорский Павла, – а не целью его государственной деятельности, направленной исключительно к созданию “фундаментальных законов», отсутствие которых низводило Россию на степень азиатской державы» [14]. Данный пассаж исследователя, несомненно,

направлен на оправдание Павла, но не снимает общей проблемы, поскольку временный характер военных все же противопоставлен главному направлению деятельности – законотворчеству. Более глубокой является мысль М. Н. Покровского, отметившего, что «любовь Павла к военной регламентации, его парадомания и мундиромания были, в сущности, производными качествами, наиболее бросавшимися в глаза формами его любви к регламентации и порядку вообще» [12, с. 162]. Действительно, военные штудии Павла Петровича, среди которых излюбленной формой был плац-парад, необходимо рассматривать в контексте его системы ценностей. Это позволяет понять их подчиненное идеалу порядка и формуле закона место.

Мы полагаем, что в космиургической деятельности Павла Петровича особое место принадлежит Гатчине, подаренной ему 6 августа 1783 г. Екатериной II. Прежде Гатчина принадлежала Г. Г. Орлову, но, как ранее отмечалось, Великий Князь не отклонил дара императрицы. Наоборот, Гатчина стала его личным космосом, в то время как Павловск был семейным гнездом. Долго живя здесь, Павел существенно трансформировал дворцово-парковый комплекс. В Гатчине были построены больница и школа, четыре церкви (православная, лютеранская, католическая и финская), существенно пополнена библиотека (до 36 тысяч томов), основаны по прусским образцам фарфоровая и стеколделательная мануфактуры, сукновальня, мастерская по производству шляп. Распорядок жизни был строго регламентирован: описанный выше распорядок дня императора сложился именно в Гатчине, и именно Гатчинский двор стал локусом для моделирования «Павловской» модели мира как идеального государства. Никто, даже члены великокняжеского семейства, не смели нарушить установленный Павлом Петровичем порядок. После своего воцарения Павел Петрович оставил Гатчину своей загородной резиденцией. Так «Гатчинский космос» с его военно-государственным культурным кодом, регламентацией, четкой иерархией и безукоризненной дисциплиной, культом правителя стал микромоделью мира, соответствующей категории идеала. Именно под его «образ и подобие» будет «подгоняться» Российская империя после воцарения Павла I. Безусловно, для русского Гамлета такая космиургическая деятельность представляла собой компенсаторный механизм. Но эта компенсация носила созидательный характер и имела позитивные результаты.

Впрочем, в космиургической деятельности Павла Петровича не обошлось и без драматических коллизий, а иногда и курьезов.

Современники методично и упоенно перечисляли «прегрешения монарха». Среди них были проявления жестокости, деспотизм, произвол, неадекватные реакции. Подробнейший перечень примеров «злодеяний» Павла Петровича представлен, в частности, в воспоминаниях заговорщиков, но и в мемуарах лояльных к Павлу I дворян, например, Н. А. Саблукова, такие примеры есть. Степень тенденциозности данных источников уже комментировалась нами ранее.

Еще более убедительны в своей обличительности «объективные» источники – императорские рескрипты и указы. В указах Павла I за 1799 г., например, рациональные требования безопасности и поддержания общественного порядка сочетаются с мелочными и даже абсурдными: «Февраля 18-го. Запрещается танцевать вальс. Октября 26-го. Дабы младшие пред старшими где бы то ни было снимали шляпы. Июля 28-го. Чтб малолетные дети на улицу из домов выпускаемы не были без присмотру. Августа 12-го. Чтб те, кто желает иметь на окошках горшки с цветами, держали бы оные по внутреннюю сторону окон, но если по наружную, то не иначе, чтб были решетки. Сентября 25-го. Подтверждается, чтб в театрах сохраняем был должный порядок и тишина. Сентября 28-го. Подтверждается, чтб кучера и форейторы ехавши не кричали» [4].

Следующий пример раскрывает иное разрешение поначалу непростой ситуации. Поиски точек опоры и упорядочивание были необходимы Павлу и в частных сферах жизни. Разочарование от первого брака цесаревича был столь сильным, что он счел необходимым предварить свой второй брак письменной инструкцией. Она была написана в июле 1776 г. и вручена Софии-Доротее Вюртембергской, на тот момент невесте цесаревича, в Рейнсберге, перед его отъездом для ознакомления [9]. Этот формальный документ, требующий точного исполнения правил по 14 пунктам, приоткрывает психологические последствия пережитой Павлом семейной трагедии. Романтически раскрывшийся отношениям с Натальей Алексеевной, своей первой женой, Павел пережил не только утрату жены и ребенка, но и утрату веры в искренность чувств после предоставления ему Екатериной II свидетельств неверности его супруги. В результате энтузиазм по отношению к браку замещается рациональной, бюрократизированной декларацией супружеских

обязанностей. При этом двадцатидвухлетний Павел стремится не только регламентировать образ жизни, но и гарантировать отношения «доверия и дружбы».

Однако Великая Княгиня Мария Федоровна сумела изменить ситуацию настолько, что позднее «инструктор» сделает специальную приписку к этому документу: «Я не стыжусь в этом перед Богом и совершенно отказался от мыслей, внушенных мне моим злополучным опытом. Я обязан сделать это признание такой супруге, как моя, которая обладает добродетелями и достоинствами и которую я люблю всем сердцем» [9]. Это признание в любви – одновременно признание полной несостоятельности самой идеи инструктора, переход от бюрократического жанра и дискурса к сердечному, сентименталистскому. Отношение Марии Федоровны к мужу, безусловно, способствовало гармонизации его внутреннего мира. Так, любовь и терпение жены стали для Великого Князя точкой опоры, смилившей его душевные метания. На время... Так же, как шекспировский Гамлет, усомнившейся в искренности чувств Офелии, Павел I, не без помощи извне, усомнится в искренности своей жены. Сомнения омрачат и его душевную дружбу с Е. И. Нелидовой. В результате любовь, терпение, понимание, душевная привязанность и духовная связь будут утрачены Павлом в качестве «точек опоры». Две женщины, продуктивно гармонизировавшие его душевный мир, впадут в немилость. У Павла Петровича останется идея и практика упорядочивания, которых он и станет маниакально придерживаться.

Современники, кроме ближайшего окружения Павла Петровича, не рефлексировали над возможными причинами такого поведения. Как еще мог вести себя «безумный» император? Хотя существовали и попытки оправдать противоречивое поведение императора в манихейском дуальном духе: «Всякий его добрый поступок совершался под влиянием сердечной теплоты и первого непосредственного чувства, тогда как все, отмеченное печатью жестокости, внушалось ему косвенным образом извне и было прежде всего порождением зависти, ненависти и желания выставить напоказ живейшую заботливость о его личности окружающих; затем, этим же путем стремились ускорить кризис, необходимость которого становилась все неизбежнее» [2]. Фактор внешних влияний в отношении Павла Петровича, безусловно, был достаточно силен, недооценивать саботаж, интриги и зреющий заговор не

стоит. И все же он не является определяющим, поскольку провокации должны совпасть с имманентным опытом личности, чтобы вызвать ее столь радикальные проявления.

Глубинной духовной причиной подобных срывов была вполне романтическая, метаироничная – несовпадение идеала и его воплощения в реальности. Причиной культурно антропологической – несовершенство человеческой природы исполнителей, то, что в современной кадровой политике принято называть «человеческим фактором». Эту проблему Павел Петрович осознавал и как присущую самому себе – монарху-демиургу. «Душевная» причина – психологическая рубежность и противоречивость Павла Петровича, в негативном плане выражающиеся в категоричности, нетерпеливости, резких перепадах настроения, подозрительности, остроте и гипертрофированности психологических реакций, в позитивном – в корреляции с особенностями российской ментальности: крайностями выражения эмоционального состояния [1, с. 93].

Все это доказывает, что психологически рубежной личности русского Гамлета необходимы были точки опоры, гармонизирующие его внутренний мир.

Прежде всего эта потребность выразилась в создании личностной системы ценностей, среди которых доминировали порядок, закон, справедливость, регламентация, личность монарха и монархия, системность.

Те опорные моменты, которые могли эффективно способствовать и некоторое время способствовали такой гармонизации (любовь, дружба, семья, искусство, природа, чувство), оказались в опыте Павла Петровича девальвированы. В результате он концентрируется в своей деятельности на монархической государственной космогонии, подчиненной образцовым для него системам – прусской милитаристской, эклектичной религиозно-рыцарской (в основе – православие, католические ордены мальтийцев и масонов), просветительской и классицистской эстетической. Концепция собственной личности продуцируется Павлом Петровичем на основе самоидентификации с образом боговдохновенного абсолютного монарха и образцами Генриха IV, Петра I, Аполлона.

В определенном отношении проявления Павла Петровича противоречат гамлетовской парадигме кризиса, распада, разочарования. Но русский Гамлет, проживая кризис, находит, как ему кажется, возможный выход. Бегство от хаоса, со-

гласно убедительной мысли Л. И. Шестова, это бегство к порядку, культуре, цивилизации. В самосознании шекспировского Гамлета также присутствует созидательный посыл: «The time is out of joint: O cursed spite, / That ever I was born to set it right!» («Распалась связь времен, / И я ее восстановить рожден»). Деятельность же его трагически деструктивна. Но русского цесаревича не убивают сразу, и у него, ставшего императором, есть некоторое время для эксперимента по спасению себя и мира. Прежде всего – по спасению себя, поскольку, возвращаясь к психологическому ракурсу гамлетизма, внутренний хаос в душе человека требует прежде всего внешнего упорядочивания. Безусловно, это спасение иллюзорно, поскольку даже нахождение «точек опоры» способствует лишь временной гармонизации личности русского Гамлета и не дает ему возможности «перевернуть мир».

Библиографический список

1. Багновская, Н. М. Специфика русской культуры [Текст] / Н. М. Багновская // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2004. – № 1. – С. 88–95.
2. Гейкинг, К.-Г. фон. Записки барона Гейкинга [Электронный ресурс] / К.-Г. Фон Гейкинг // Царевубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. – Изд. 2-е. – СПб.: А. С. Суворин, 1908. – С. 289–313. – Режим доступа: http://www.memoirs.ru/texts/Geiging_Z_1908.htm, свободный. Проверено 15.08.2016.
3. Злотникова, Т. С. Пограничность как кризис в экзистенции Н. А. Бердяева и его современников [Текст] / Т. С. Злотникова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – № 4. – Т. 16. – С. 332–342.
4. Император Павел Петрович и его время. 1798–1801 [Электронный ресурс] / Павел I [Указы и распоряжения] / сообщ. Г. Р. // Русская старина. – 1884. – Т. 41. – № 2. – С. 371–374. – Под загл.: Император Павел Петрович и его время. – Режим доступа: http://mikv1.narod.ru/text/PavelUR_RS84T41N2.htm, свободный. Проверено 22.08.2016.
5. Летина, Н. Н. Современная интерпретация петербургской культуры в гамлетовском модусе (жизненный опыт Павла I [Текст] / Н. Н. Летина // Концептуальные образы Санкт-Петербурга в современной российской и европейской культуре, искусстве и литературе. – СПб.: Петрополис, 2011. – С. 155–165.
6. Летин, В. А. Храм как часть репрезентативного пространства усадебного универсума [Электронный ресурс] / В. А. Летин // Вестник МГУКИ. – 2011. – № 5 (43). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/hram-kak-chast-reprezentativnogo-prostranstva-usadbnogo-universuma-dvortsovyu-diskurs>, свободный. Проверено 15.09.2016.

7. Описание торжества муз при случае всерадостного воспоминания о восшествии на престол Его Императорского Величества Всероссийского Государя Павла I в епархиальной Рязанской семинарии, представленного 1797 года, ноября 9 дня / сообщ. И. В. Добролюбовым [Электронный ресурс] // Исторический вестник. – 1880. – № 3. – С. 636–637. – Режим доступа: http://mikv1.narod.ru/text/OpTorMuz_IV80n3.htm, свободный. Проверено 15.03.2016.

8. Павел I. Император Павел I-й в своих письмах и распоряжениях (Рескрипты и указы 1797 года) / сообщ. Н. В. Дризен, Е. В. Чешихин [Электронный ресурс] // Русская старина. – 1896. – Т. 87. – № 9. – С. 511–514. – Сетевая версия – М. Вознесенский, 2006. – Режим доступа: http://www.memoirs.ru/texts/PavelRes_RS96t87n9.htm, свободный. Проверено 15.03.2016.

9. Павел I. Инструкция Великого Князя Павла Петровича Великой Княгине Марии Феодоровне (1776 г.) [Текст] / сообщ. Е. Шумигорский // Русская старина, 1898. – Т. 93. – № 2. – С. 247–261.

10. Павел I. Письмо великого князя Павла Петровича графу Румянцеву. 16-го октября 1781 г. [Текст] / Павел I // Русская старина. – 1898. – Т. 94. – № 6. – С. 576.

11. Павел I [Учебные тетради] [Электронный ресурс] // Русская старина. – 1874. – Т. 9. – № 4. – С. 676–684. – Режим доступа: <http://mikv1.narod.ru/text/PavelRS1874UTetr.htm>, свободный. Проверено 15.03.2016.

12. Покровский, М. Н. История России с древнейших времен до наших дней. – Т. 3 / М. Н. Покровский // Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 1–4. – Кн. 2. Русская ист. с древнейших времен (тома III и IV). – М.: Мысль, 1965–564 с.

13. Понятовский, С.-А. Воспоминания князя Станислава Понятовского (1776–1809 гг.) [Текст] / сообщ. Н. Шильдер // Русская старина. – 1898. – Т. 95. – № 9. – С. 565–592.

14. Шумигорский, Е. С. Император Павел I. [Электронный ресурс] / Е. С. Шумигорский. – СПб.: типография В. Д. Смирнова, 1907. – 214 с. – Режим доступа: <http://www.hist0ry.ru/dopinfo.html>, <http://www.infanata.org/2007/11/12/imperator-pavel-i-zhizn-i-carstvovanie.html>, ограниченный или <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=012002007&id=246&cType=1>, свободный. Проверено 17.08.2016.

Bibliograficheskij spisok

1. Bagnovskaja, N. M. Specifika russkoj kul'tury [Tekst] / N. M. Bagnovskaja // Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plehanova. – 2004. – № 1. – S. 88–95.
2. Gejking, K.-G. fon. Zapiski barona Gejkinga [Jelektronnyj resurs] / K.-G. Fon Gejking // Careubijstvo 11 marta 1801 goda. Zapiski uchastnikov i sovremennikov. – Izd. 2-e. – SPb.: A. S. Suvorin, 1908. – S. 289–313. –

- Rezhim dostupa:
http://www.memoirs.ru/texts/Geiging_Z_1908.htm, svobodnyj. Provereno 15.08.2016.
3. Zlotnikova, T. S. Pogranichnost' kak krizis v jekzistencii N. A. Berdjaeva i ego sovremennikov [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. – 2015. – № 4. – T. 16. – S. 332–342.
4. Imperator Pavel Petrovich i ego vremja. 1798–1801 [Jelektronnyj resurs] / Pavel I [Ukazy i rasporyzhenija] / soobshh. G. R. // Russkaja starina. – 1884. – T. 41. – № 2. – S. 371–374. – Pod zagl.: Imperator Pavel Petrovich i ego vremja. – Rezhim dostupa: http://mikv1.narod.ru/text/PavelUR_RS84T41N2.htm, svobodnyj. Provereno 22.08.2016.
5. Letina, N. N. Sovremennaja interpretacija peterburgskoj kul'tury v gamletovskom moduse (zhiznennyj opyt Pavla I [Tekst] / N. N. Letina // Konceptual'nye obrazy Sankt-Peterburga v sovremennoj rossijskoj i evropejskoj kul'ture, iskusstve i literature. – SPb. : Petropolis, 2011. – S. 155–165.
6. Letin, V. A. Hram kak chast' reprezentativnogo prostranstva usadebnogo universuma [Jelektronnyj resurs] / V. A. Letin // Vestnik MGUKI. – 2011. – № 5 (43). – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/hram-kak-chast-reprezentativnogo-prostranstva-usadebnogo-universuma-dvortsovyj-diskurs>, svobodnyj. Provereno 15.09.2016.
7. Opisanie torzhestva muz pri sluchae vseradostnogo vospominanija o vosshestvii na prestol Ego Imperatorskogo Velichestva Vserossijskago Gosudarja Pavla I v eparhial'noj Rjazanskoj seminarii, predstavlenno 1797 goda, nojabrja 9 dnja / soobshh. I. V. Dobroljubovym [Jelektronnyj resurs] // Istoricheskij vestnik. – 1880. – № 3. – S. 636–637. – Rezhim dostupa: http://mikv1.narod.ru/text/OpTorMuz_IV80n3.htm, svobodnyj. Provereno 15.03.2016.
8. Pavel I. Imperator Pavel I-j v svoih pis'mah i rasporyzhenijah (Reskripty i ukazy 1797 goda) / soobshh. N. V. Drizen, E. V. Cheshihin [Jelektronnyj resurs] // Russkaja starina. – 1896. – T. 87. – № 9. – S. 511–514. – Setevaja versija – M. Voznesenskij, 2006. – Rezhim dostupa: http://www.memoirs.ru/texts/PavelRes_RS96t87n9.htm, svobodnyj. Provereno 15.03.2016.
9. Pavel I. Instrukcija Velikago Knjazja Pavla Petrovicha Velikoj Knjagine Marii Feodorovne (1776 g.) [Tekst] / soobshh. E. Shumigorskij // Russkaja starina, 1898. – T. 93. – № 2. – S. 247–261.
10. Pavel I. Pis'mo velikago knjazja Pavla Petrovicha grafu Rumjancevu. 16-go oktjabrja 1781 g. [Tekst] / Pavel I // Russkaja starina. – 1898. – T. 94. – № 6. – S. 576.
11. Pavel I [Uchebnye tetradi] [Jelektronnyj resurs] // Russkaja starina. – 1874. – T. 9. – № 4. – Ch. 676–684. – Rezhim dostupa: <http://mikv1.narod.ru/text/PavelRS1874UTetr.htm>, svobodnyj. Provereno 15.03.2016.
12. Pokrovskij, M. N. Istorija Rossii s drevnejshih vremen do nashih dnei. – T. 3 / M. N. Pokrovskij // Pokrovskij M. N. Izbrannye proizvedenija. Kn. 1–4. – Kn. 2. Russkaja ist. s drevnejshih vremen (toma III i IV). – M. : Mysl', 1965–564 s.
13. Ponjatovskij, S.-A. Vospominanija knjazja Stanislava Ponjatovskogo (1776–1809 gg) [Tekst] / soobshh. N. Shil'der // Russkaja starina. – 1898. – T. 95. – № 9. – S. 565–592.
14. Shumigorskij, E. S. Imperator Pavel I. [Jelektronnyj resurs] / E. S. Shumigorskij. – SPb. : tipografija V. D. Smirnova, 1907. – 214 s. – Rezhim dostupa: <http://www.histOry.ru/dopinfo.html>, <http://www.infanata.org/2007/11/12/imperator-pavel-i-zhizn-i-carstvovanie.html>, ogranichennyj ili <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=012002007&id=246&cType=1>, svobodnyj. Provereno 17.08.2016.